

УДК 811.521

Специфика зоологического кода японской культуры

Гуревич Татьяна Михайловна

Кандидат филологических наук, доктор культурологии,
профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: tmgur@mail.ru

Изотова Надежда Николаевна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;
e-mail: izotova@list.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению этнокультурной специфики зоологического кода в японской языковой картине мира. Исследование базируется на комплексе аналитических подходов, позволяющих проводить интерпретацию содержания языковых единиц и рассматривающих культуру как форму общения людей посредством языка. Зоологический код японской культуры служит для метафорической передачи представлений об окружающей действительности и внутреннем и внешнем мире человека. Наделяя лексику с зооморфным компонентом вторичными антропоморфными значениями, зоологический код может транслировать не только универсальные, общие для всех культур смыслы, но и когнитивный элемент семантики, который понятен только носителям японского языка. Изучение семантико-семиотического содержания зоологического кода позволяет не только выявить аксиологический потенциал зооморфных символов, но и определить этнокультурную специфику мировосприятия носителей японского языка, которая проявляется при выявлении у зоонимов значений, свойственных только японской лингвокультуре.

Для цитирования в научных исследованиях

Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Специфика зоологического кода японской культуры // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 2А. С. 28-36.

Ключевые слова

Зоологический код, японская культура, семантика, фразеологизмы, природа, зоонимы, символ, птицы.

Введение

Когнитивная сущность любой лингвокультуры воплощается в культурных кодах, отражающих мировосприятие народа и специфику национальной языковой картины мира. Непонимание культурно-ценностных фоновых реалий, особенностей культурных кодов приводит к коммуникативным неудачам в процессе межкультурного общения [Глаголев, 2017; Силантьева, Шестопал, 2017].

Нельзя не согласиться с американским антропологом Рут Бенедикт, которая писала: «Одна из трудностей XX столетия заключается в том, что мы до сих пор имеем самые смутные и искаженные представления не только о том, что делает Японию нацией японцев, но и том, что делает Соединенные Штаты нацией американцев, Францию – нацией французов и Россию – нацией русских. Не обладая таким знанием, ни одна страна не поймет другую» [Бенедикт, 2007, 53].

Исследование зоологического кода в контексте лингвокультурологии позволяет выявить ценностные ориентации мировосприятия японского народа и определить национально-специфические особенности своеобразного зоонимического пространства в семантическом континууме языка.

Сакральное отношение японцев к природе

В отличие от европейской культуры, которая в паре «человек – явление природы» подчеркивает главенствующее положение человека во Вселенной, в традиционной японской культуре сама субстанция языка выражает неприятие антропоцентристской модели мира и утверждает языческую идею гармоничного и равноправного сосуществования человека и природы.

Японский культуролог *Исаму Курита* 栗田勇 указывает на «сакральный характер» отношения японцев к природе: «В наше время природа расценивается с точки зрения ее использования в утилитарных целях или в качестве объекта научного исследования. Однако в Японии отношение к природе имеет более глубокий, сакральный характер. Его можно сравнить с воззрениями на природу древних греков, которые видели в ней в первую очередь созидательную, животворящую силу. Недаром японский поэт Мацуо Басе (1664-1694) называл природу 造化 *дзо:ка*, что означает “творение”, “создание”» [栗田勇, 1987, 31].

На нежное и трепетное отношение японцев ко всем живым существам решающее воздействие оказал буддизм, который вплоть до конца XVI в. являлся государственной идеологией и проник практически во все сферы человеческой деятельности. Религиозно-этические ценности буддизма в той или иной степени определили жизненный мир каждого современного японца, во многом повлияли на его отношение к окружающей действительности, сформировали критерии оценочных суждений о смысле жизни и мироустройстве в целом [Изотова, Концепт «счастье»..., 2012; Изотова, Своеобразие концепта «счастье»..., 2012].

В различных районах страны можно увидеть стелы и буддийские изображения, посвященные животным. В префектуре Канагава сохранилось скульптурное изображение 犬頭 觀世音 *Кэнтокан дзэон* – Собакоголовой Каннон. Есть Стела поминовения собак и кошек 犬猫 供養碑 *ину нэко кэ:хи*, воздвигнутая людьми, связанными с традиционной музыкой, поскольку кожа этих животных использовалась для резонаторов сямисэнов (японская лютня).

Культовые памятники, например Ступа поминовения птиц, зверей и рыб 鳥獸魚供養塔 *те:дзю:сакана кве:то:*, Ступа поминовения оленей 鹿供養塔 *сика кве:то:*, сооружались для помощи душам животным, которых употребляли в пищу. В городе Насу префектуры Тотиги была установлена Ступа поминовения насекомых 螻蛄供養塔 *о кэра кве:то:* в память о насекомых, которых крестьяне собирали в качестве живого корма для соколов сегуна.

При буддийских храмах в рыбацких деревнях, когда-то живших китобойным промыслом, сохранились могилы, служащие для почитания душ убитых китов 鯨墓 *кудзирабака*. Могилы китов рыбаки устраивали из сострадания, если во время ловли самки кита вместе с ней погибал детеныш или зародыш. Могила в Нагато устроена для более чем 70 китов. И даже сейчас, когда охота на китов запрещена по всему миру, здесь продолжают проводить поминальные службы по китам [Иси, www].

Жители мегаполисов XXI в. все больше отдаляются от природы, но японцы остаются очень внимательными к окружающей среде и ее обитателям, поэтому современные японские авторы не меньше, чем поэты и писатели прошлого, упоминают в своих произведениях самых разных представителей фауны. В японских парках и садах чуть ли не у каждого дерева стоят специальные таблички с информацией о растениях и изображением видимых и невидимых представителей местной фауны, живущих в кроне дерева, на земле и под землей. Так что не стоит удивляться осведомленности японцев в наименовании разной живности и обилию у них ассоциаций, связанных с миром фауны в японской национальной картине мира.

Зооморфные символы в японской культуре

Один из наиболее значимых для Японии символов – черепаха 亀 *камэ*. В представлении японцев черепаха обладает двумя исключительными особенностями. Во-первых, черепаха живет очень долго и поэтому является счастливым символом долгожительства и связанной с ним мудрости. Во-вторых, согласно китайскому мифу, на панцире черепахи, всплывшей в незапамятные времена на поверхность реки *Ло*, имелись некие странные знаки, которые и послужили прототипом первых иероглифов, т. е. речная черепаха ассоциируется с письменностью и, следовательно, с мудростью [Мещеряков, 2008, 138].

Журавль 鶴 *цуру* также является символом долгой и счастливой жизни. По народным поверьям, журавль живет до тысячи лет, черепаха – до десяти тысячи лет [日本絵 とき事典, 1984, 63]. Выражение 鶴は千年亀は万年 *цуру ва сэннэн камэ ва ман нэн*, а также названия этих животных, произнесенные как одно слово 鶴亀 *цурукамэ*, приобрели смысл пожелания долгой жизни. Выражение 鶴亀鶴亀 *цурукамэ, цурукамэ* переводится на русский язык как «Избави Бог!». Считается, что если журавли превращаются в людей, то часто принимают облик странствующих монахов, помогающим людям. Есть и другие связанные с журавлями сказания, и везде они являются символом чистоты, счастья и бескорыстной помощи. По одному из поверий, желание человека сбывается, если сложить из бумаги тысячу журавлей.

На станции Сибуя в Токио установлен памятник Хатико – псу породы акита. После того как профессор Токийского императорского университета Уэно Хидэсбуро в 1925 г. умер, Хатико каждый день приходил на станцию Сибуя ко времени прибытия поезда, на котором обычно приезжал его хозяин. Так продолжалось в течение девяти лет, и этот пес стал символом преданности.

Издавна японцы почитают 狸 *тануки*. *Тануки* – енотовидная собака. *Тануки* считают божеством обжорства и пьянства, а также покровителем питейных заведений и ресторанов. Он обожает вкусно поесть и как следует выпить, но часто не платит по счетам, поэтому его иногда изображают с бутылкой *сакэ* в одной руке и с неоплаченным счетом в другой. Скульптуры *тануки* с огромными гениталиями и бутылкой *сакэ* в лапе часто можно встретить в Японии у входа в пивную 居酒屋 *идзакая*, но нередко он просто стоит у японцев в саду или у дверей дома как символ благополучия.

Считается, что кошки 猫 *нэко* так же, как и *тануки*, умеют превращаться в людей. Обычно они слывут добрыми созданиями, помогающими людям. Часто бывают волшебными помощниками героев в мифах и легендах. Как и лисы, девушки-кошки могут быть очень опасны. В человеческом облике демонстрируют сверхчеловеческую гибкость, подвижность и хитрость. Сохраняют кошачью расцветку тела. Есть легенда о том, как в древние времена в одном старом храме, в который никто не заходил, поселилась кошка. Она стала выходить на дорогу, садиться на задние лапы и, поднимая переднюю лапу, как бы приглашала людей в храм. Узнав о таком чуде, толпы повалили в этот храм. С тех пор статуи кошек с поднятой передней лапой считаются приносящими удачу и часто ставятся перед храмами и в домах. Таких кошек называют 招き猫 *манэки нэко* «манящая кошка». Керамическую фигурку кошки с поднятой лапкой выставляют в витринах магазинов, в ресторанах – обычно рядом с кассой, в лотерейных киосках и просто у себя дома. Поднятая вверх рука для японцев означает призыв приблизиться. Поэтому считается, что кошки с поднятой лапой приглашают посетителей зайти в данное заведение. Обычно *манэки-нэко* изображают с поднятой к уху левой лапой, иногда с золотой монеткой в правой.левой лапкой *манэки нэко* приманивает клиентов, а правой лапкой – деньги и удачу [Изотова, Своеобразие концепта «счастье»..., 2012, 119-121].

Экспликация зоологического кода в японской языковой картине мира

Человек с древнейших времен сравнивал и отождествлял себя с представителями флоры и фауны, возможно, пытаясь таким образом определить свое место в мире, в условиях, которые его окружали. Сравнения, при всем их разнообразии, являются фактом языка и своеобразным продуктом национального мышления.

Национально-специфическое субъективное восприятие мира является причиной несовпадения оценок носителей разных языков фразеологизмов, содержащих зооморфный компонент, и ассоциаций, связанных с ними. Например, японцы считают лошадь тупым и глупым животным, в то время как в русском языке это животное ассоциируется с силой и выносливостью, преданностью, порой символизирует интеллект, динамику (ср. *кони-птицы, лихие кони*). Следует заметить, что слова *конь* и *лошадь* у нас не совпадают по ассоциативному потенциалу (ср. *здоровый, как конь* и *устала/работает, как лошадь*).

Перевод с японского языка фраз, содержащих наименование различных представителей животного мира, часто является весьма нелегкой задачей. Трудности предопределяются в основном двумя причинами, а именно различными коннотациями, связанными с теми или иными представителями фауны, а также отсутствием в активном словаре русского языка слов, номинирующих, например, хорошо знакомых японцам обитателей моря или насекомых.

Стоит ли говорить о том, что не только русский, но и другие, «более знакомые с морем» европейские языки значительно беднее японского в области лексики, используемой для обозначения морской фауны. Будучи по сути своей безэквивалентной, такая лексика не может

быть отнесена к реалиям, описательный перевод вряд ли внесет необходимую определенность в представление читателя о той или иной морской твари.

Многие сравнения представляются для нас весьма неожиданными: рот маленький, как у рыбы «фугу»; человек неуклюжий, как рыба-удильщик; губы пухлые, как рыба-икра в ястычной оболочке; губы тонкие, как у змеи или как у лягушки; руки нежные, как рыба-лапша, или шершавые, как акуля кожа; волосы грязные, как прибрежные водоросли, или спутанные, как птичье гнездо; зубы острые, как у акулы; голос звонкий, как у летучей мыши; глаза большие, как у морского окуня, или маленькие, как у акулы. Переваливающийся при ходьбе с боку на бок человек напоминает японцам краба, густые брови ассоциируются в их сознании с мохнатой гусеницей многоножкой-мухоловкой¹, а тонкие – с дождевым червем (если первые считаются некрасивыми, то во втором случае нет отрицательной коннотации). У носителя русского языка такие сравнения, скорее всего, вызовут негативную реакцию.

Трудности возникают и тогда, когда мы сталкиваемся с обозначением знакомых русскому языку морских обитателей. Общеизвестно, что одни и те же представители фауны для разных народов являются зачастую носителями разных качеств и сравнение с ними характеризует людей по разным признакам. В основе метафор-зоонимов очень часто лежит реальный признак, но у разных народов различается его эмоционально-оценочное восприятие. Например, для русских рыба – олицетворение молчаливости, а вот японцы активного болтуна и общительного человека обычно сравнивают с сайрой 秋刀魚 *самма*, подметив характерную для этой рыбки юркость и активность движения. С сайрой также сравнивают глупого и легкомысленного человека. Впрочем, молчаливость, отсутствие желания лишней раз открывать рот и что-то говорить у японцев ассоциируется с поведением другого морского обитателя – раковины. Фразеологизм 貝のように口をつぶむ *кай-но е:ни кути-о цубуму* означает «держать язык за зубами (как раковина)» [Гуревич, 2015, 23-26].

Птицы, способные летать, всегда вызывали особый интерес у людей, живущих на земле. С образом птицы в первую очередь ассоциируется полет. 鳥捕らわれて飛ぶことを忘れず *тори тораварэтэ тобу кото о васурэдзу* «Если птицу и поймают, о полете она не забудет», – говорят японцы.

Так же, как и в русской, в японской системе образов можно обнаружить и домашних, и диких птиц. Японцы воспринимают и оценивают их повадки и характер иначе, чем мы. К тому же и сами пернатые, наименования которых входят в активный лексико-фразеологический словарь, значительно отличаются. Сравнения и метафоры, в которых упоминаются птицы, в том числе и устойчивые, отличаются большим разнообразием видов и форм: они могут быть краткими и развернутыми, прямыми и косвенными, разной степени образности и абстрагированности.

Образы птиц встречаются в древних народных песнях и сказаниях, широко представлены в классической японской поэзии и прозе, весьма характерны для текстов (причем не только художественных), написанных на современном языке. В разговорной речи современных японцев также нередко можно услышать упоминание о пернатых.

Птицей, с которой надо брать пример, японцы считают сокола 鷹 *така*. Призывая к разумному поведению, человеку указывают на мудрость этой птицы: 能ある鷹は爪を隠す *но:*

¹ «Густые брови чуть не срастались на переносице, точно две гусеницы, жаждущие совокупления» (Мураками Х. 1Q84 Тысяча Невестьсот Восемьдесят четыре. М.: Эксмо, 2013. С. 212 (перевод Д. Коваленина)).

ару така ва цумэ о какусу – «умный сокол прячет когти»; о зорком или прозорливом человеке говорят, что у него «соколиный глаз» 鷹の目 *така но мэ*.

Соколу уподобляют порядочного человека, который, в каком бы бедственном положении ни оказался, никогда не совершит несправедливый поступок. «Даже будучи голодным, сокол не станет клевать рис в поле» – 鷹は飢えても穂をつまず *така ва уэтэ мо хо о цумадзу*. В сознании японцев сокол олицетворяет честность, и сейчас эту поговорку порой можно увидеть на страницах газет как напоминание политикам и бизнесменам о том, с кого надо брать пример.

Сокола японцы уважают, он занимает высшую иерархическую ступень, для социума необходим сокол, однако 鷹のない国では雀が鷹をする *така но най куни дэ ва судзумэ га така о суру* – «в стране, где нет сокола, соколом работает воробей». Здесь антиподом сокола выступает воробей, считающийся в Японии слабым, легкомысленным и жалким созданием, что четко просматривается во многих фразеологических единицах, в которых упоминается эта птица.

Мизерное количество уподобляется «воробьиным слезам» 雀の涙 *судзумэ но намидэ*. То, чего не стоит опасаться, слабого врага называют 雀の角 *судзумэ но цуно* – «воробьиными рогами».

Выражение 鷹の前の雀 *така но маэ но судзумэ* – «воробей перед соколом» – имеет практически такое же значение, как «кролик перед удавом» в русском языке.

Поговорка «горбатого только могила исправит» соответствует японской 雀百まで踊り忘れず *судзумэ хяку мадэ одори васурэдзу* – букв. «воробей до 100 лет не забывает о танцах», в которой делается акцент на легкомыслии этой птицы.

Во многих фразеологических единицах, говорящих о некоторой поспешности и неорганизованности, фигурирует ворон – 烏 *карасу*, например:

- деньги, взятые под ежедневные проценты 烏金 *карасу ганэ*;
- наспех принятая ванна 烏の行水 *карасу но ге:суй* – букв. «воронье купание»;
- неорганизованная толпа 烏合の衆 *уго: но сю:* – букв. «воронья стая»;
- морщины 烏の足跡 *карасу но асиато* – букв. «вороньи следы». Возможно, это калька с английского *crow's feet*.

Фразеологизмом является и образное восклицание о чем-то непонятном: «Ну кто тут разберет!» – 誰か烏の雌雄を知らん *дарэка карасу но мэсу осу о сира*н – букв. «не знаю, кто ворон, кто ворониха».

Ворон в японской лингвокультуре имеет и положительную коннотацию: 烏には反哺の孝あり *карасу ва хампо но ко: ари* – «вороны исполняют свой долг перед родителями».

Повседневный высокий черный головной убор японских аристократов 烏帽子 *эбоси* (по иероглифам – «шапка ворона») напоминает о горделивом внешнем виде этой птицы. Вероятно, этот же образ инициировал и появление выражения 三羽烏 *самба гарасу* «три важные персоны; триумвират» (букв. «три вороны»). Впрочем, как бы важно ни выглядел ворон, 烏を百度洗っても鷲にはならぬ *карасу о хякудо араттэ мо саги ни ва нарану* – «хоть сто раз мой ворона, он не станет белой цаплей»².

² По-русски об этом же говорят – «черного кобеля не отмоешь добела».

Если важных людей японцы уподобляют воронам, то глуповатого простачка они называют «уткой» 鴨 *камо*. Глагол «провести, одурачить» по-японски 鴨にする *камо ни суру* – «сделать уткой», а «кривоногий» – это просто 鴨足 *камоаси* – «утиные ноги» [Гуревич, 2016, 76-77, 79-82].

Заключение

Зоологический код культуры, вербализирующийся во фразеологии и паремиологии, – важная составляющая языковой картины мира. В основе формирования и закрепления за животными смысловых значений лежат особенности мышления человека и познания им животного мира на ранних этапах развития культуры. Зоонимы, концептуализируя внешний и внутренний мир человека, наделяются коннотациями, которые могут выступать символами, эталонами и метафорическими характеристиками.

Зооморфные метафоры, сравнения, пословицы и идиомы отражают широкий спектр духовной сферы жизнедеятельности человека: нормы, принципы, правила поведения, а также чувства, суждения, в которых выражаются нормативная регуляция отношений людей в социуме, этические идеалы общества. Национальная специфика проявляется при выявлении у зооморфизмов значений, свойственных только японской лингвокультуре. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ словообразовательных средств, используемых при создании метафорических номинаций для выявления универсальных и этноспецифических ассоциативных процессов в русском и японском языках, что будет способствовать решению задачи адекватного перевода фразеологии и паремиологии с зооморфным компонентом.

Библиография

1. Алпатов В.М. Японская природа и японский язык // История и современность. 2007. № 2. С. 219-230.
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб.: Наука, 2007. 360 с.
3. Глаголев В.С. Своеобразие коммуникации россиян с дальневосточными партнерами // Материалы II международного межвузовского форума «О России с любовью. Лики России». СПб., 2017. С. 324-331.
4. Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы человек в японской языковой картине мира: дис. ... д-ра культурологии. М., 2006. 330 с.
5. Гуревич Т.М. Мир фауны в японском языке // Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе». М.: Ключ-С, 2015. С. 23-33.
6. Гуревич Т.М. Японо-русский учебный словарь едзидзюкуго. М.: Моногатари, 2011. 144 с.
7. Гуревич Т.М. Птицы в японской лингвокультуре // Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе». М.: Ключ-С, 2016. С. 76-84.
8. Изотова Н.Н. Концепт «счастье» в религиозном и философском дискурсе: репрезентация буддийских ценностей в японском национальном сознании // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2 (23). С. 213-219.
9. Изотова Н.Н. Своеобразие концепта «счастье» в японской лингвокультуре: дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 211 с.
10. Изотова Н.Н., Лихолетова О.Р. Культура подарков как отражение этнокультурной самобытности японцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1. С. 69-72.
11. Иси Х. Отношение японцев к животным. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c03910/>
12. Кутафьева Н.В., Гладких А.А. Зооморфизмы в японском языке // Материалы XII Международной конференции «Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Западной Африки». М., 2016. С. 150-155.
13. Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2008. 556 с.
14. Силантьева М.В., Шестопал А.В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 11-23.
15. 栗田勇. 雪月花の心. . 東京、. 1987.
16. 日本絵とき事典 日本絵とき事典. 1984.

The specificity of the zoological code of Japanese culture

Tat'yana M. Gurevich

PhD in Philology, Doctor of Cultural Studies,
Professor at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tmgur@mail.ru

Nadezhda N. Izotova

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: izotova@list.ru

Abstract

The article is devoted to revealing the ethno-cultural specificity of the zoological code in the Japanese language picture of the world. The research is based on the complex of analytical approaches that allow the researchers to interpret the content of language units and view culture as a form of people's communication through language. The article points out that the zoological code of Japanese culture serves for metaphorical transmission of ideas about the surrounding reality and the inner and outer world of a person. By assigning zoomorphic components with secondary anthropomorphic meanings, the zoological code can translate not only universal meanings common to all cultures, but also a cognitive element of semantics that only native Japanese speakers can understand. The study of the semantic-semiotic content of the zoological code allows the authors of the article not only to reveal the axiological potential of zoomorphic symbols, but also to determine the ethno-cultural specificity of the world perception by Japanese language native speakers, which reveals when zoomorphisms are identified with values peculiar only to Japanese linguoculture. The article presents the results of the analysis of some Japanese idioms containing zoomorphic components and explains their meanings that may differ from those in the Russian language.

For citation

Gurevich T.M., Izotova N.N. (2018) Spetsifika zoologicheskogo koda yaponskoi kul'tury [The specificity of the zoological code of Japanese culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (2A), pp. 28-36.

Keywords

Zoological code, Japanese culture, semantics, phraseological units, nature, zoonyms, symbol, birds.

References

1. Alpatov V.M. (2007) Yaponskaya priroda i yaponskii yazyk [Japanese nature and the Japanese language]. *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity], 2, pp. 219-230.
2. Benedict R. (1989) *The chrysanthemum and the sword: patterns of Japanese culture*. Mariner Books. (Russ. ed.: Benedict R. (2007) *Khrizantema i mech: modeli yaponskoi kul'tury*. St. Petersburg: Nauka Publ.)
3. Glagolev V.S. (2017) Svoeobrazie kommunikatsii rossiyan s dal'nevostochnymi partnerami [The peculiarity of communication between the Russians and their Far Eastern partners]. *Materialy II mezhdunarodnogo mezhvuzovskogo foruma "O Rossii s lyubov'yu. Liki Rossii"* [Proc. 2nd Int. Forum "On Russia with love. Faces of Russia"]. St. Petersburg, pp. 324-331.
4. Gurevich T.M. (2006) *Lingvokul'turologicheskii analiz kontseptosfery chelovek v yaponskoi yazykovo kartine mira. Doct. Diss.* [Linguoculturological analysis of the conceptsphere of man in the Japanese linguistic world picture. Doct. Diss.]. Moscow.
5. Gurevich T.M. (2015) Mir fauny v yaponskom yazyke [The world of fauna in the Japanese language]. *Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii "Yaponskii yazyk v vuze"* [Proc. Conf. "The Japanese language in higher education institutions"]. Moscow: Klyuch-S Publ., pp. 23-33.
6. Gurevich T.M. (2011) *Yapono-russkii uchebnyi slovar' edzidyukugo* [Japanese-Russian educational dictionary of the Yojizujuku]. Moscow: Monogatari Publ.
7. Gurevich T.M. (2016) Ptitsy v yaponskoi lingvokul'ture [Birds in Japanese linguoculture]. *Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii "Yaponskii yazyk v vuze"* [Proc. Conf. "The Japanese language in higher education institutions"]. Moscow: Klyuch-S Publ., pp. 76-84.
8. Isi Kh. *Otnoshenie yapontsev k zhitvotnym* [The attitude of Japanese people to animals]. Available at: <https://www.nippon.com/ru/features/c03910/> [Accessed 17/02/18].
9. Izotova N.N. (2012) Kontsept "schast'e" v religioznom i filosofskom diskurse: reprezentatsiya buddiiskikh tsennostei v yaponskom natsional'nom soznanii [The concept of "happiness" in religious and philosophical discourse: the representation of Buddhist values in the Japanese national consciousness]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2 (23), pp. 213-219.
10. Izotova N.N. (2012) *Svoeobrazie kontseptu "schast'e" v yaponskoi lingvokul'ture. Doct. Diss.* [The peculiarity of the concept of "happiness" in Japanese linguoculture]. Moscow.
11. Izotova N.N., Likholetova O.R. (2017) Kul'tura podarkov kak otrazhenie etnokul'turnoi samobytnosti yapontsev [Gift culture as a reflection of the ethnocultural identity of Japanese people]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice], 3-1, pp. 69-72.
12. Kutaf'eva N.V., Gladkikh A.A. (2016) Zoomorfizmy v yaponskom yazyke [Zoomorphisms in the Japanese language]. *Materialy XII Mezhdunarodnoi konferentsii "Yazyki Dal'nego Vostoka, Yugo-Vostochnoi Azii, Zapadnoi Afriki"* [Proc. 12th Int. Conf. "Languages of the Far East, South-East Asia, West Africa"]. Moscow, pp. 150-155.
13. Meshcheryakov A.N. (2008) *Kniga yaponskikh simvolov. Kniga yaponskikh obyknovenii* [The book of Japanese symbols. The book of Japanese customs]. Moscow: Natalis Publ.
14. Silant'eva M.V., Shestopal A.V. (2017) Antropologichskie i tsennostnye osnovaniya kommunikatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Anthropological and axiological grounds for communication: theoretical and applied aspects]. *Kontsept: filozofiya, religiya, kul'tura* [The concept: philosophy, religion, culture], 1, pp. 11-23.
15. 栗田勇。雪月花の心。東京、(1987).
16. 日本絵とき事典日本絵とき事典(1984).